

Близится к завершению 1999 год. Для социологов он примечателен пристальным вниманием к творческому наследию выдающегося русского исследователя Питирима Сорокина, со 110-й годовщиной со дня его рождения. Редакция журнала приняла активное участие в освещении этого события. В ряде номеров (№ 12 за 1998 г., №№ 5, 6, 7 за 1999 г.) опубликованы непереведенные до сих пор на русский язык статьи ученого, материалы российских и зарубежных авторов о его творчестве, отчет о Международном научном симпозиуме "Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени". Завершая юбилейный цикл, мы публикуем новую оригинальную работу П. Сорокина 1938 года "Забытый фактор войны" и размышления американского исследователя В. Джефриса о четырех фундаментальных принципах интегрализма, производных от идей П. Сорокина.

© 1999 г.

П.А. СОРОКИН

ЗАБЫТЫЙ ФАКТОР ВОЙНЫ

(*Sorokin P.A.* A Neglected Factor of War // *American Sociological Review*. 1938. № 4. Pp. 475-486).

Критические заметки о существующих теориях причин войны. Подобно другим основополагающим принципам современных социальных наук, принцип причинности отмечен в высшей степени противоречивым состоянием. Мы постоянно используем его как нечто определенное и однозначное, но как только мы начнем его анализировать, обнаруживается, что значение его для разных ученых не является ни однозначным, ни идентичным. Когда мы берем конкретную проблему и начинаем анализировать ее причины, противоречивость толкования тотчас же становится очевидной. Анализ причин войны иллюстрирует это отсутствие точности, определенности. Существующая литература о причинах, вызывающих войны¹, обнару-

¹ Примером огромного количества концепций и теорий в этой области могут служить два следующих сборника: H.J. Stenning (editor), *The Causes of War*, London, 1935, и Arthur Porritt (editor). *The Causes of War*, New York, 1932. См. также H. Fielding Hall, *The Nature of War and Its Causes*, London, 1917; R. Hubert. *Les interpretations de la guerre*, Paris, 1919; G. Lowes Dickinson, *War: Its Nature, Cause, and Cure*, New York, 1923; T. Veblen, *An Inquiry into the Nature of Peace*, New York, 1917; Paul Lacombe, *La guerre et l'homme*, Paris, 1903; Tell A. Turner, *Causes of War and the New Revolution*, Boston, 1927; A.C. Pigou, *The Political Economy of War*, London, 1921; John Bakeless, *The Economic Causes of Modern War*, New York, 1921; Q. Wright, *The Causes of War and the Conditions of Peace*, London, 1935; S.R. Steinmetz. *Die Soziologie des Krieges*, Leipzig, 1929; Jules Sageret, *Philosophic de la guerre et de la paix*, Paris, 1919; см. другую литературу, приведенную в: P. Sorokin, *Contemporary Sociological Theories*, chap. 6, New York, 1928; P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamics*, vol. 3, chaps. 9, 10, 11, and pp. 543-577.

живает почти безнадежную путаницу в состоянии нашего знания в этой области и в области причинности вообще. В этой литературе мы находим, во-первых, *кажущееся почти невероятным разнообразие причин, выдвигаемых разными, а порой одним и тем же исследователем*. Выдвигаемые причины включают: пятна на солнце, климат, взаимное расположение планет и другие космические факторы; врожденные задирность, воинственность, драчливость, стадность и агрессивность; перенаселенность; низкую плотность населения, высокий и низкий уровень рождаемости; всеобщий закон борьбы за существование и другие биологические факторы; страх, борьбу за свободу, освобождение от запретов, налагаемых цивилизацией; садизм, жажда власти, хвастовство, тщеславие и десятки других психологических сил; длинный список экономических, политических, династических, религиозных, эстетических, образовательных и иных социальных факторов; различные культурные условия наподобие "подлинной и ложной культуры", *нравы* и тому подобное; философские абстракции вроде Судьбы, Провидения и т.д.; и, наконец, различных "злых" великих и малых людей и групп. Огромное разнообразие причин - достаточное свидетельство отсутствия действительного знания проблемы. Что мы сказали бы, если бы такое скопление различных причин касалось, скажем, дифтерии или деторождения? Сэр Остин Чемберлен удачно подводит итог, говоря:

"Интересно, что вы думаете о них (этих разных теориях)? Создали они у вас ясную картину? Чувствуете ли вы, что теперь вы готовы действовать, сомнений у вас больше нет и путь к миру вам ясен? Если так, вы удачливее или умнее меня. Может быть, у множества советчиков есть мудрость, но наверняка в этой разногласии нет согласия"².

Удручающее положение усугублено многими другими прегрешениями. Одно из них - *внутренняя несовместимость многих предлагаемых теорий*. К примеру, в рамках многих из них утверждают, что главная причина войны - экономическая: "удержать то, что имеем, и взять больше"³ или "империалистическое соперничество, вызванное нынешней экономической системой"⁴ и т.п. А затем те же авторы уверяют нас, что "война не оправдывает себя", что победители и побежденные обычно экономически проигрывают. Если не допускать абсолютной глупости и необучаемости всех народов, оба заявления, что причины войны - экономические и война себя на оправдывает, очень трудно примирить. Допускать абсолютную глупость едва ли разумно. Поэтому или причина неверна, или неверно то, что война никогда себя не оправдывает.

Это внутреннее противоречие еще более ясно проявляется при сопоставлении диагноза причины со средством лечения от войны, прописываемым тем же автором. Например, Олдос Хаксли рассматривает причины: влияние географического положения, климата, расовые и экономические факторы, скуку, страсти, национализм, страхи и злых людей; короче, - ряд глубоких сил, часть которых не зависят от контроля людей. Вопреки этому, он без колебаний предлагает для излечения от войн такие средства как: "психоанализ наших политиков и собственников газет", "устранение скуки" и, конечно, консолидированная антивоенная пропаганда⁵. Если причины верны, тогда, очевидно, предлагаемые средства предотвращения или устранения военной угрозы не затрагивают большинства этих причин и поэтому останутся бесполезными; если они эффективны, неверен диагноз. Аналогичным образом Дж. Д.Х. Коул считает главной причиной войн экономический империализм и соперничество в его самом глубоком смысле. Однако как патентованное средство против войны предлагается Социализм, не объясняя, как он может устранить экономическое соперничество, и, особенно, "национализацию производства вооружений и полное

² H.J. Stenning, *op. cit.*, p. 96.

³ G.L. Dickinson, *op. cit.*, p. 50.

⁴ G.D.H. Cole, in H.J. Stenning, *op. cit.*, p. 59; Sir Josiah Stamp, *ibid.*, p. 83-85.

⁵ In Stenning's *The Causes of War*, p. 47-58.

прекращение международной торговли оружием", "позволяющие снизить уровень военных приготовлений в мире и сделать войну менее вероятной"⁶. Отсутствие взаимосвязи причин и средств от войны опять бросается в глаза. Если учитывать и ряд волшебных качеств, приписанных национализации военной промышленности и прекращению международной торговли оружием, оно становится еще яснее. Так, национализация производства вооружений, по всей видимости, приведет не к устранению войны или уменьшению ее вероятности, а к развитию особо мощного производства вооружений правительствами всех стран; прекращение международной торговли оружием (как при некоторых пактах о нейтралитете) подтолкнет сильные страны к еще большей агрессивности, а страны с неразвитой военной промышленностью превратят в добычу сильных стран. Короче, вместо того, чтобы "сделать войну менее вероятной", эти меры могут усилить угрозу войны, или, во всяком случае, едва ли ослабят ее. И опять, если причины указаны верно, средства исцеления не могут быть эффективными; если лекарства действуют, ошибочны причины. И так продолжать можно *ad libitum* (сколько угодно -лат., прим. переводчика).

Еще один недостаток, отягчающий отмеченные выше погрешности, — достойное самого большого сожаления применение при исследовании войн принципа так называемой множественной каузации (причинности). Подчеркнув ту или иную причину войны, большинство авторов в итоге опираются на некое сочетание множества факторов. Типичным примером является перечисление деканом (декан - второй после епископа чин в иерархии англиканской церкви - прим. переводчика) Инге факторов войны: задиристость, плюс искусственное возбуждение, плюс демографическое давление, плюс уловки правительства с целью отвлечь внимание от внутренних проблем и остановить революцию, плюс агрессивный империализм, плюс страхи, плюс стремление к воссоединению, плюс и т.д.⁷. У Олдоса Хаксли множественная каузация такова: географические и климатические условия; расовые факторы; экономические факторы; страсти; злые великие люди, плюс целый ряд психоаналитических факторов, которые выделены как самые важные⁸. Сэр Джосиа Стэмп согласен, что войны вызываются "сочетанием условий", среди которых особо упомянуты экономическое проникновение, экономическое неравенство, дифференциация населения и некоторые другие⁹. Профессор Джеймс Форд перечисляет следующие элементы множественной каузации войны: экономические факторы, частное производство вооружений, диктатуры, тоталитарные режимы, неправильное образование, психология толпы, эмоции, берущие верх над разумом, неверные установки, амбиции, гнев, алчность и т.д.¹⁰ Сэр Артур Солтер приводит религиозные, династические, политические и экономические причины, каждая из которых имеет свои подклассы", Дж. А. Джонстон выделяет среди многих причин социальную несправедливость, монотонность индустриальной жизни, искусственную стимуляцию потребления, незанятость и т.д.¹²

Лозунг множественной каузации в наши дни очень популярен. Его неизменно используют как нечто совершенно определенное, разумное и бесспорное. Между тем, проблема множественной каузации и неясна, и небесспорна, и не свободна от серьезных логических затруднений. Не разбирая более приведенные заявления, выделим, как особенно ошибочный, один вариант принципа, использованного в вышеозначенных формулах множественной каузации войны. Это форма, в которой факторы, абсолютно несоизмеримые и принадлежащие к принципиально разным уровням явлений, складываются вместе и даже бок о бок как якобы множественный принцип.

⁶ Ibid., p. 59-62. 71.

⁷ См.: Stenning, *np. cit.* Pp. 15-19.

⁸ Ibid., pp. 47-58.

⁹ Ibid., pp. 83-95.

¹⁰ J. Ford, K.M. Ford, *The Abolition of Poverty*, New York, 1937, p. 259.

¹¹ См. Porritt, *The Causes of War*, p. 1-25.

¹² Ibid., pp. 26-62. См. там же ряд других формул множественной каузации.

Предположим, мы примем следующую формулу множественной каузации: универсальный закон борьбы за существование, инстинкт драчливости и стадности, страх и жажда власти, наличие злых правителей, раздел человечества на разные нации, пятна на солнце, некоторые религиозные и экономические факторы. Можно убедиться, что эти факторы, относясь к принципиально разным уровням реальности, несоизмеримы, несравнимы и вообще несводимы во что-либо действительно цельное. Как можно сравнивать и сопоставлять роль пятен на солнце с ролью страха или похоти; весомость страха с весомостью всеобщего закона борьбы за существование; значимость отмеченного выше с разделением человечества на нации или религиозным фактором? Очевидно, что их нельзя измерить или даже просто оценить каким-либо способом сравнения; нет единицы измерения, приложимой к ним. Их нельзя положить рядом друг с другом или как-то понять их воображаемое соседство, единство. Сама классификация такого рода - тягчайшая логическая ошибка. Это покров, скрывающий глубокое невежество, это мешанина, препятствующая сколь-либо серьезному пониманию причин войны и других явлений, описываемых тем же способом. Короче, такое использование множественной каузации логически недопустимо¹³. Уже только потому формулы множественных причин войны бесполезны.

Более того, даже будучи свободны от такой ошибки, формулы множественной каузации *per se* (как таковые, сами по себе - *лат.*, *прим. переводчика*) не дают какого-либо критерия выбора реальных причин из миллиона обстоятельств возникновения войн. Предположим, мы берем для иллюстрации Мировую Войну. Вот некоторые из миллионов сопутствовавших обстоятельств: выстрел в Сараево; психология виконта Грея; пагубное влияние Распутина на царицу; экономический империализм Германии; огромная территория России; низкая рождаемость в Германии; философия Гегеля и Ницше; частное производство вооружений в Англии; "опасения" Германии по поводу перевооружения России; теплая встреча народом президента Пуанкаре в России летом 1914 г., стремление Польши к независимости; желание слоя военных поднять свой престиж; морское путешествие императора Вильгельма II за несколько дней до начала войны; приписываемая России культурная отсталость и ее славянофильская политика; сильные дожди в некоторых районах Австрии летом 1914 г. ...

Все эти события действительно имели место непосредственно перед войной и в начале ее. Но должны ли мы считать их причинами лишь потому, что они произошли перед войной и в ее начале? Если так, мы должны учесть миллионы других условий, существовавших тогда, как часть нашей множественной каузации. Очевидно, перечень всего этого не есть причинная формула и не имеет никакой познавательной ценности; нет смысла перечислять бесконечное число обстоятельств и условий, существовавших перед началом войны, а если бы смысл был, такой перечень невозможно считать завершенным. Если исключить все эти миллионы условий, какие обоснования мы тогда можем привести для того, чтобы исключить их, оставив лишь приведенные выше? У нас нет никакого критерия, чтобы судить, важнее ли перечисленные условия неупомянутых. Даже если обойти эту трудность, указанный выше конгломерат факторов нашей "множественной каузации" остается нечем иным, как перечислением ряда случайных позиций, произвольно или спорно выбранных и выданных за причины. Ведь число приводимых факторов слишком велико, а их природа слишком несопоставима, чтобы иметь какую-либо ценность в качестве каузальной формулы.

Эти замечания показывают, почему рассмотренные выше поиски каузальных формул логически недопустимы, фактически бесплодны или, в лучшем случае, представляют собой бессистемное описание некоторых условий, присутствовавших в одной или нескольких войнах. Их описание никоим образом не есть каузальный анализ и практически не имеет ничего общего с ним. Это заключение еще более под-

¹³ «Страх не "сочетается" с пистолетом при объяснении дела об убийстве как ветер сочетается с водой, вызывая шторм на море», - справедливо указывает Р.М. Мак Ивер в *Society, a Textbook of Sociology*, New York, 1937, p. 476 ff.

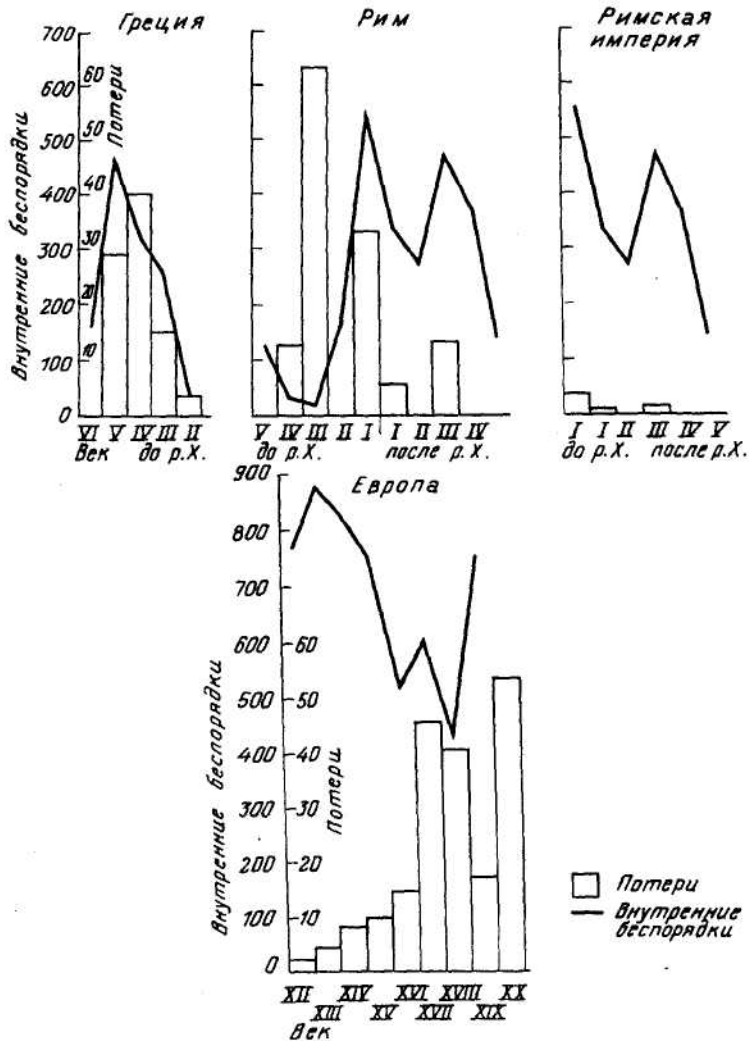
крепляется тем, что *немногие теории причин войны, приведенные выше, если вообще хоть одна из них, учитывают соответствующий фактический материал о войне* для проверки ценности этих теорий. Почти невероятно, насколько все теории причин войны практически полностью лишены всякого фактического материала, относящегося к войне и ее эволюции. В очень немногих исследованиях можно найти какие-то данные; остальные лишены всякого фактического и особенно значимого фактического материала. С этой точки зрения они представляют собой чистейшие спекуляции худшего толка, логически непоследовательные, невыверенные фактами, никак не связанные с данными и поэтому лишенные любой индукции или индуктивного обоснования.

Если бы авторы действительно исследовали значимые факторы войны, большая часть теорий никогда бы не возникли, или бы были тотчас же отправлены в морг. Почему? Потому что они или не решают проблему причин войны как эмпирический феномен, или опровергаются соответствующими фактами. Вот несколько примеров. Чтобы теория солнечных пятен, климатических или иных астрофизических причин войны заслуживала какого-то внимания, она по меньшей мере должна показать, что колебания солнечных пятен или расположение планет заметно связаны (позитивно или негативно) с колебаниями периодов войны и мира в данной стране, в нескольких странах и с увеличением (уменьшением) масштабов или частоты феноменов войны. Для этого подобные теории нуждаются в достаточном количестве фактов о периодах войны и мира, и в данных об увеличении (уменьшении) числа войн. За исключением полуфантастических теорий данного рода, наподобие теории К. Мевеса¹⁴, почти во всех теориях даже нет попытки привести какую-то сумму данных или даже какие-нибудь данные о взаимодействии войны и мира. Поэтому они остаются предположениями, висящими в воздухе, не связанными с фактами, без всякой попытки индуктивной проверки. Более того, когда их проверишь, как это пытался делать я, невозможно установить какую-то осязаемую связь между движением солнечных пятен, климатических и астрофизических факторов с изменением процессов войны и мира¹⁵. То же относится ко всяким теориям инстинктов, могущественных рефлексов, стимулов, резидуев, страхов, жажды власти, агрессивности и других инстинктивных, психологических сил как причин войны. Точно так же, такие принципы как "всеобщий закон борьбы за существование" оказываются в той же сомнительной категории объяснений наличия, отсутствия и масштабов войны. Приняв любой из этих "факторов" за константу, абсолютно невозможно объяснить, почему в данной стране или ряде стран случаются то война, то мир, почему войны то возрастают, то идут на убыль. Если такая принятая за доказательство причина константна, а ее последствия различны, она не может быть истинной причиной. Если какая-то из этих сил принимается как непостоянная, тогда теории должны объяснять, почему сила колеблется и что ее колебания значимо совпадают с колебаниями феноменов войны-мира. Авторы подобных теорий вряд ли пытались осуществить такую проверку. Они едва ли (если вообще) шли дальше чисто догматических уверений и редко пытались добыть минимум значимых фактов о феномене войны-мира. Поэтому они тоже остаются бесполезными.

С небольшими вариациями эти соображения относятся к большинству других теорий причин войны. Пока все они не пытаются добыть хоть чуточку значимых фактов о феномене войны-мира, их роста и убыли и пока они не объяснят удовлетворительно с помощью своих "причин" действительные изменения в процессах войны и мира, они бесполезны и никчемны. Поэтому, рассмотрев отмеченную выше ошибочность имеющих теорий причин войны, констатируем итог: или мы ничего не знаем о дейст-

¹⁴ К. Mewes. *Krieges- und Geistesperioden im Volkerleben*, Leipzig, 1922. См. мою критику этой книги в: P. Sorokin, *Social and Cultural Dynamic!*; vol. 3, pp. 352 ff.

¹⁵ См.: P. Sorokin. *Social and Cultural Dynamics*, vol. 3. Pp. 352 ff.; *Contemporary Sociological Theories*, гл. 3 и 6.

вительных причинах войны, или, если мы что-то знаем, означенные теории, будучи чистыми предположениями, этого не показывают.

Забывтый фактор войны. Как отмечено выше, любая серьезная теория данного вопроса должна иметь в своем распоряжении по меньшей мере минимум значимых данных о войне, и только после проверки ее гипотезы этими данными теория может как-то претендовать на валидность. Следуя этому требованию, я попытаюсь сейчас предложить один из возможно важных факторов войны, редко упоминаемый. Строго социологический по природе, этот фактор, по-видимому, выдерживает проверку как логикой, так и фактами лучше многого из предлагавшегося. Ради краткости посмотрим на реальные кривые движения войн в истории Греции, Рима и стран Европы и проверим валидность нашей теории на этой фактической базе.

Приводимая диаграмма приблизительно показывает кривую движения войны, измеренную числом жертв на миллион населения в соответствующей стране по векам. Она построена на системном учете всех войн, известных в истории этих стран, - всего около 967 войн. Конечно, это лишь грубое приближение, но при существующем состоянии исторического знания о всех этих войнах, потерях в них и соответствующих

размерах населения, она, возможно, так же точна, как и все наличные данные в этой области. Она, возможно, полнее и системнее любого исследования в этой сфере, выполненного ранее. Все неточности и недостатки такого исследования четко указаны в моей "*Социальной и культурной динамике*", откуда и взята приводимая кривая¹⁶.

Если проверить данной кривой и множеством других кривых, не приводимых здесь¹⁷, большинство предложенных гипотез, легко увидеть, что они не объясняют даже большей части этих кривых. Ни климатические и астрофизические факторы; ни биологические факторы — инстинкты драчливости и т.п.; ни борьба за существование, перенаселение или низкая плотность населения, расы и наследственность; ни психологические факторы, - страх, жажда власти, агрессивность и т.п.; ни социальные факторы, взятые по отдельности - бедность и процветание, изменения средств и орудий производства, особенности размеров и плотности населения, монархия и республика, самодержавие и демократия, консерватизм и либерализм, религиозность и атеизм, коллективизм или индивидуализм, невежество или грамотность, дух национализма или интернационализм; ни большинство иных предлагавшихся факторов не могут объяснить большую часть причин войн или быть интегрированы в эти причины. Войны случались и не случались, росли и сокращались в любых из указанных состояний, и едва ли можно найти постоянные реальные связи войн и этих переменных. Некоторые из отмеченных факторов, возможно, объяснят некоторые вторичные подвижки. Но не всю кривую или даже ее важные части.

Есть ли какие-либо фактор, условие, которые объяснят эти события удовлетворительнее? Такой фактор, видимо, существует. Что же это? Перед тем, как его назвать, предположим ради ясности анализа, что перед нами две страны или стороны в интеракции. Как социологи, мы знаем, что каждая из них представляет собой *паутину социальных отношений и систему культурных ценностей*. Их интеракция также означает наличие *набора межгосударственных социальных отношений и культурных ценностей*. Межгрупповые и внутригрупповые социальные отношения могут быть или хорошо интегрированы, оформлены или не интегрированы и аморфны. Когда они интегрированы и оформлены, это означает, что распределение прав, обязанностей и функций каждой стороны определены; каждая сторона знает, что она должна и обязана делать в отношении другой стороны и что другая сторона обязана и должна делать в отношении ее. Их взаимосвязи, межличностные и межгрупповые, имеют определенные нормы как ориентиры, и действия осуществляются согласно этих норм. Аналогичные нормы, ясные и определенные, присутствуют в соответствующих культурных системах. Каждой стороне они ясно указывают, что в их взаимоотношениях считается истинным и ложным, имеет позитивную или негативную ценность, какие ценности главенствуют, а какие второстепенны.

Неинтегрированное и неоформленное состояние сети социальных отношений, межличностных и межгрупповых, и набора культурных ценностей означает обратное: отсутствие ясного распределения прав, обязанностей и функций, четкой системы ценностей; состояние аморфных, "аномийных" и поэтому противоречивых и конфликтных претензий, вкусов и предпочтений. Такое состояние случается или когда контакт сторон только начался и не имел времени устояться, а "правила движения" не установлены, или когда по каким-то причинам ранее существовавшая оформленная система ценностей и связей расстроена и нарушена, то есть когда существующие правила разрушены, а новые еще не установлены.

Отметим, что оформленный и неоформленный статус лишь отдаленно связан с такими характеристиками как справедливое-несправедливое, полезное-вредное, честное-нечестное и т.д. Правила образцовой тюрьмы едва ли приятны и желанны для

¹⁶ См.: *Social and Cultural Dynamics*, vol. 3, pp. 259-380.

¹⁷ См. в: *Social and Cultural Dynamics*, vol. 3.

заклученных, но они определены и обычно соблюдаются. Взаимоотношения хозяев и рабов в прошлом также были четкими и определенными, хотя можно сомневаться в их полезности и справедливости для рабов. Напомнив это, я обрисую то, что представляется мне необходимым, если не достаточным, фактором войны (и мира). При прочих равных условиях *всякий раз, когда в отношениях одного или более государств или любых общественных групп система соответствующих социальных отношений и культурных ценностей обнаруживает тенденцию к развалу, беспорядку или неопределенности, такое изменение повышает шансы войны. И напротив, когда сеть отношений и культурных ценностей движется к большей определенности, стабильности и четкой интеграции, такая перемена содействует миру в их взаимоотношениях.* Такова вкратце моя гипотеза. Уместны некоторые комментарии. В развернутом виде гипотеза предполагает следующие конкретные положения.

А. Если и когда, по каким-то причинам внутригрупповая система отношений, культурных ценностей, или то и другое, подвергаются быстрому и глубокому изменению в ходе взаимодействия сторон, эта внутренняя "революция" имеет тенденцию по очевидным причинам нарушать существующий *status quo* в ее отношениях к другой стороне (другим сторонам); поэтому она повышает шансы антагонизма, конфликта и войны между ними.

Б. Еще выше степень содействия шансу возникновения войны, если взаимодействующие стороны испытывают глубокую, но противоположную, модификацию их внутригрупповой сети отношений и системы культурных ценностей. В таком случае взаимоотношения между ними будут вдвойне раздроблены и нарушены, что, следовательно, ведет к росту конфликтности и в конечном счете к войне.

В. Когда у взаимодействующих сторон *темп, глубина или размах перемен* в их организации и культуре велики и быстры настолько, что едва ли есть какая-то возможность их регуляции и кристаллизации, так как еще до того, как они могут этого добиться в связи с последним изменением, оно уже уходит и заменяется новым, *такие темп и размах социально-культурных перемен все больше и больше расширяют систему межгрупповых социально-культурных отношений и весьма способствуют антагонизмам, конфликтам и войне.* Конечно, есть теоретическая возможность быстрых перемен, гармоничных и упорядоченных, которые не нарушают оформления отношений, а систематически, подобно здоровому растущему организму, меняются от одной откристаллизованной формы к другой. Однако в эмпирической социальной действительности такие случаи крайне редки, практически отсутствуют. Эмпирически, по аналогии, скорость и масштаб перемен напоминают езду на автомобиле с нарастающей скоростью по дороге со все более крутыми виражами. Такая езда, как известно, повышает возможность аварии. Рост масштабов и скорости перемен в одной из взаимодействующих сторон, а тем более в обеих, также повышает шансы конфликта.

Таким образом, эта гипотеза социологична *par excellence* (по преимуществу - фр., прим. переводчика). Она усматривает необходимый и непосредственный фактор войны не в пятнах на солнце или других космических, биологических факторах, не в каких-то особых социально-культурных условиях, экономических, демографических, религиозных, психологических или иных, а в *стабильном или расширенном состоянии всей сети социальных отношений и системы культурных ценностей взаимодействующих сторон.* По этой гипотезе, если состояние определено, оформлено и стабильно, шансы войны невелики независимо от того, удовлетворяет ли нас экономическое и иное состояние соответствующих сторон. Если состояние отношений и культурной системы аморфно и нестабильно, достаточно малейшего повода, чтобы

вызвать военный взрыв. Государства в этом смысле можно сравнить с автомобилем и организмом. Сильное телосложение или техническое совершенство автомобиля - лучшая гарантия от болезни или поломки. Старый разболтанный автомобиль или слабый организм больше связаны с частыми и серьезными неприятностями, чем новый, хорошо собранный автомобиль, сильный организм. Неблагоприятных в малейшей степени условий достаточно для появления неприятностей в разваливающемся авто или слабом организме. И поскольку наш фактор — это состояние всей паутины социальных отношений и культурных ценностей, он по природе не экономичен, не политичен, не демографичен, а социологичен.

Расшатанное (прочное) состояние сети социальных отношений и культурных ценностей не идентично ни войне, ни миру, как "социальная аномия" Дюркгейма не идентична самоубийству. По этой причине мою гипотезу нельзя обвинить в том, что она тавтологична. Она указывает связь двух разных феноменов: война и состояние дезинтеграции, мир и прочная интегрированность социально-культурных отношений. Каждая переменная в каждой паре сущностно отлична от другой и никоим образом ей не идентична, а поэтому не тавтологична.

Такова гипотеза. Я считаю названный фактор необходимой и реальной, хотя и не всегда достаточной причиной войны так же, как заражение микробами дифтерии необходимая и реальная, но не всегда достаточная (например, при иммунитете вследствие прививки) причина дифтерии. Конкретные обстоятельства заражения бесконечно меняются по месту, времени, способу инфекции, лицам и вещам - источникам заражения. Конкретные условия расшатывания стабильности социально-культурных отношений также могут весьма различаться в разных условиях и обществах; но расшатывание остается - подобно инфекции при дифтерии - необходимым условием войны.

Сделав эти замечания, вернемся к диаграмме. В свете моей гипотезы ее основные пики и спады легко объяснимы.

1. Мы видим, что на всем протяжении средневековья с его стабильностью и оформленной совершенной системой социально-культурных отношений, весьма медленным темпом и малыми масштабами социально-культурных изменений уровня кривой войны - измеренные числом потерь и численностью армий на миллион населения Австрии, Германии, Англии и Франции - остаются низкими вплоть до XIII в.

2. XIII век - начало трансформации западной культуры из ее одной фундаментальной формы - Идеациональной - в другую, которую я называю Чувственной. Он также означал начало конца средневеково-феодальной системы общественных отношений. Эти великие начала трансформации социально-культурной системы западного мира сохранились в последующие столетия. Соответственно и кривая войн медленно, но неуклонно поднимается от века к веку вплоть до XVII-го.

3. XVI и XVII вв. - это столетия, когда новые восходящая чувственная культура и общественный порядок внутренне достигают гегемонии, расчищают почву от обломков прежних порядка и культуры, дают им последний бой, начинают обосновываться и строить новое здание своих культуры, социального строя.

4. Новая культура окончательно установлена, феодальная система полностью устранена, национальные государства упрочились вполне определенно. Европа XVIII и XIX вв. вновь сильна и стабильна своей системой социального устройства и ценностей. Кривая войн в эти столетия соответственно идет вниз. Спад этот особенно велик во второй половине XIX в.

5. С конца XIX в. доминирующая чувственная культура и договорная капиталистическая система общественных отношений обнаруживают первые признаки расстройств; и тогда во все возрастающем темпе социально-культурных изменений она начинает шататься и дезинтегрируется больше и больше. В XX в. темп и

масштабы перемен делаются лихорадочными. В Ниагаре бешеного потока внутригрупповые социальные отношения и культурные ценности разрушаются больше и больше, часто стираются в пыль, атомизируются и релятивизируются до такой степени, что ничто из фундаментальных отношений и ценностей викторианской Европы не остается нетронутым и неразбитым. Это естественно ведет к потрясению межгрупповых социально-культурных отношений, в свою очередь вызывая взрыв антагонизмов, конфликтов и, в итоге, Мировую войну, другие малые войны, взрыв безгрупповые разбившие социальный строй и систему ценностей. Кривая войн этого века соответственно взметнулась на беспрецедентную высоту. Это самое кровавое столетие всей истории западного мира.

Так в свете моей гипотезы становятся понятными основные изменения кривой характеристик войны.

6. То же можно сказать об основных изменениях кривых, характеризующих войны Греции и Рима, а также о более мелких колебаниях кривой в отдельных странах и в периоды короче ста лет. Многие, если не все, они соответствуют гипотезе¹⁸.

Итак, если наша гипотеза верна по меньшей мере так же, как иные предлагавшиеся теории причин войны, она позволяет определенно судить о настоящем и ближайшем будущем. Условно сформулируем следующее:

7. Если современная абсолютно неустойчивая система социальных отношений и культурных ценностей западного мира в дальнейшем останется такой же расшатанной или расшатывание ее усилится, в будущем нам следует ждать более масштабных и кровавых войн. Если, напротив, системы отношений, ценностей кристаллизуются, стабилизируются и ре-интегрируются, неважно, в каких конкретно формах, такая ре-интеграция будет работать во имя мира. Это первый предварительный диагноз.

8. Если гипотеза валидна, большинство мер по устранению войны - от антивоенной пропаганды до большинства целительных средств, основанных на разобранных выше теориях причин войны и предлагаемых государственными мужами, политиками, профессорами и пацифистами, - не очень эффективные средства достигнуть желаемой цели. Большая их часть едва ли затрагивает действительные и необходимые причины войн. Какими бы соблазнительными ни казались публике предлагаемые меры, они лишь поверхностное средство или чаще знахарство, наносящее урон делу мира больше, нежели способствующее ему. Этот вердикт хорошо индуктивно подкреплен демонстрацией их беспомощности и пустоты. Вопреки многочисленным попыткам Лиги Наций, разных стран и их лидеров использовать эти "лекарства", лечение не помогло пациенту - миру. Состояние мира гораздо более непрочно в настоящее время, чем когда-либо после Великой войны (первой мировой. - прим. переводчика). Такой результат — красноречивое экспериментальное свидетельство ошибочности каузальных, как и лечебных диагнозов.

В свете этой гипотезы лекарствами от войны реально являются все действия и меры, которые работают на рестабиллизацию и реинтеграцию современной расшатанной системы социальных отношений и культурных ценностей. Действительные силы войны - это все действия и меры, увеличивающие расшатанность и препятствующие реинтеграции социально-культурной системы, независимо от благородства или низости целей. Такова общая формула лекарства от войны. Будучи достаточно ясной по общей природе, она указывает конкретные пути и формы организованного социального действия во имя уменьшения опасности войны или ее устранения. Перечисление этих конкретных форм и мер - за пределами задач данной статьи.

*Публикация и перевод с английского
Н.В. РОМАНОВСКОГО*

¹⁸ См. подробнее в моей *Social and Cultural Dynamics*, vol 3.